

Крестьяне «иудейской веры» во Владимирской губернии: феномен «домашнего сектантства» в XIX в.

Т. И. Хижая

Владимирский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Российская Федерация, 600000, Владимир, ул. Горького, 87

Для цитирования: Хижая Т. И. Крестьяне «иудейской веры» во Владимирской губернии: феномен «домашнего сектантства» в XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 1. С. 196–209. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.116>

Статья посвящена уникальной модели религиозного поведения, которое можно назвать сектантством вне конфессиональной общности. Автором был найден архивный документ, отражающий следственное дело, производившееся над крестьянином-субботником, его женой и детьми во Владимирской губернии второй половины XIX в. В этом регионе никогда ранее исследователи не обнаруживали иудействующих. Вводимый в научный оборот источник указывает на существование в одной из владимирских деревень отдельной семьи, исповедующей веру «Моисеева закона». Целью работы является описание и анализ открытого автором феномена. В процессе его изучения использовались разнообразные методы: идеографический, ретроспективный, историко-генетический, синхронный, компаративный, а также метод интерпретации исторических источников и метод каузального анализа. Исследование дела о крестьянине Судогодского уезда Абраме Сатине выявляет, с одной стороны, особенности, типичные для субботничества, а в некоторых случаях — и для других течений русского сектантства. Это библейская основа мировосприятия «жидовствующих», конструирование ими ритуальных практик на основе Ветхого Завета, сочетание тайного соблюдения «Моисеева закона» с формальным исполнением христианских обрядов, отождествление икон с идолами, симпатия к личности Христа, традиционные формы обнаружения своей веры перед властями и др. С другой стороны, «религиозное диссидентство» в границах одной семьи, живущей далеко от коллективов единоверцев, придает описанному случаю уникальный характер. Генезис данного феномена неясен, но можно предположить, что принятие Абрамом Сатиным «Моисеева учения» стало результатом самостоятельного чтения Библии и/или нечастых контактов с иудействующими из других губерний. «Домашнее сектантство» делало семью владимирских крестьян более уязвимой перед лицом властей и соседей-христиан по сравнению с «русскими израильтянами», жившими в полноценных общинах. Этим было, по всей вероятности, и вызвано их обращение в православие, ставшее финалом данной микроистории.

Ключевые слова: иудействующие, субботники, Моисеев закон, Ветхий Завет, русское сектантство, Владимирская губерния, микроистория.

Русские иудействующие

Первые сведения о русских иудаизантах относятся к XVIII в. Маркерами нового религиозного движения, распространявшегося среди простонародья, стали

почитание субботы и отказ от употребления свинины; впоследствии круг предписаний, которым следовали сектанты, обращавшиеся к ветхозаветным текстам, был значительно расширен. Субботники отвергали православную церковь с ее иерархией, таинствами и символами. Среди последних особенную неприязнь «жидовствующих» вызывали иконы: они отождествлялись с языческими идолами, упоминаемыми в Библии.

В первых десятилетиях XIX в. движение приверженцев «Моисеева учения» приобретает массовый характер. Религиозное брожение, известное ранее под именами «моисеевщины», «субботовщины», «селезневщины» и имеющее не вполне ясное содержание, кристаллизуется в виде многочисленных общин иудействующих. Они возникают в различных губерниях Российской империи — Воронежской, Тамбовской, Саратовской, Тульской, Орловской, Кавказской, Астраханской, Екатеринославской, Московской, Рязанской и др. Впоследствии появление «русских израильтян» на Кавказе, в Сибири, Закавказье, на Дальнем Востоке и Кубани стало результатом их принудительного или добровольного переселения.

Дело о крестьянине Судогодского уезда Абраме Сатине

География распространения движения иудействующих была исключительно широкой. Однако до настоящего времени ни в одном введенном в научный оборот источнике не зафиксировано присутствие сектантов на территории Владимирской губернии. Недавно в Российском государственном архиве древних актов мне посчастливилось обнаружить документ, указывающий на причастность владимирского региона к этому интереснейшему религиозному феномену. Это дело о крестьянине деревни Плохово Судогодского уезда Абраме Никанорове Сатине, «судимом за исповедание иудейской веры» [1]. Обширное дело, помещившееся на ста листах, представляет собой любопытный микроисторический казус, в зеркале которого отразились специфические черты движения русских иудействующих и особенности исторического контекста, в котором оно развивалось.

Дело началось летом 1865 г. с устного донесения сотского деревни Плохово Смолинскому волостному правлению. Сотский сообщил, что его односельчанин, Абрам Никаноров Сатин, «с Пасхи сего года вступил в еврейскую веру со всем своим семейством». Волостное правление немедленно доложило об этом местному становому приставу. Тот приступил к дознанию. На допросе арестованный Абрам Сатин, 37-летний крестьянин, временнообязанный помещицы Нефимоновой, заявил, что «лет 15 тому назад секретно следует старозаветному учению, т. е. иудействующему, празднует вместо воскресения субботу и в воскресенье работает». Икон в доме не держит, потому что Библия запрещает им поклоняться. При этом Сатин сослался на 26 главу «3 книги... Моисеева учения», т. е. на книгу Левит. Таинства исповеди и причастия он отвергает «на основании Старого Завета» и читает псалмы царя Давида. Подозреваемый уверял, что стал следовать новому учению самостоятельно, «без чьего-либо совета... а только по одному чтению Библии, из которой убедился, что изложенное в оной учение есть более основательнейшее, так как и Новый Завет более основан на Старом, т. е. свят, кто его исполнит». Выяснилось, что крестьянин явно стал исповедовать свою веру два года назад, а за несколько месяцев до по-

следних событий, в апреле 1865 г., объявил о ней священнику своего прихода. На «страшной неделе» он вынес из дома все иконы.

Естественно, что пристава интересовала ситуация, сложившаяся в семье новоявленного сектанта. Сатин признался, что жена его последовала «сему учению» два года назад. Правда, перед рождением последнего ребенка (незадолго до начала расследования) она по совету мужа пошла в церковь на исповедь. Дети, по словам Сатина, разделяют веру родителей и не носят на себе крестов, за исключением старшей дочери. При этом все они оказались крещеными, в том числе и новорожденный ребенок.

После допроса арестованный был срочно отправлен к судебному следователю Судогодского уезда. Следователь Н. О. Витязь в тот же день снял с подозреваемого показания, которые обнаружили другие подробности жизни и веры Абрама Сатина. Назвавший место своего крещения и имена крестных родителей, он почему-то в течение жизни сознательно исповедовался только один раз, а о том, был ли «у Св. Причастия», не помнил, хотя и слышал от кого-то, что в семилетнем возрасте его причастили «по случаю тяжелой болезни». При всем этом следователь заключил, что арестант «не гнушается Православной Церкви, как светила Нового Завета». Предполагая факт внутрисемейного «сращения» в секту, чиновник немало внимания уделил расспросам о детях Сатина, которых оказалось пятеро. Следователь «Моисеева закона» признался: он считает своих детей принадлежащими «к иудейской вере» по той причине, что спрашивал их о желании исповедовать одну веру с ним. Ответ детей в его передаче звучал трогательно: «Тогда 13-летний сын Иван сказал мне, что желает быть со мною в одной вере, и малая дочка Марфа 7 лет сказала: “И я, тятка, буду с тобою вместе молиться”. О малолетнем же сыне Антоне я сказал, что он со мною в одной вере потому, что полагаю, что дети должны быть одной веры с родителями, и к тому он знает молитву пред обедом по Псалтырю». Крестьянин уверял, что никого из детей не принуждал к изучению «веры по Ветхому Завету», в том числе и старшую дочь Василису.

Однако дознаватель пришел к заключению, что Сатин «своротил» своего старшего сына. За это преступление по тогдашнему законодательству ему грозило тяжелое наказание в виде лишения прав состояния и ссылки в Закавказье, а мальчику — отправка на казенную фабрику [2, с. 54]. Предстояло серьезное дальнейшее расследование, и Н. О. Витязь просил полицейское управление поместить обвиняемого в тюремный замок. Сатин был переведен в судогодский острог. Одновременно был сделан запрос приходскому священнику, имя которого субботник упомянул на допросе. Им оказался настоятель села Новое Судогодского уезда Арсений Оферьев. Он подтвердил, что Абрам Сатин объявил ему о своем отступлении от православия вместе со всей семьей, исключая старшую дочь. Крестьянин заявил, что «намерен держаться ветхозаветного вероисповедания», в чем дал священнику собственноручную расписку. Последний предпринимал меры к «вразумлению» заблудшего, но тот не захотел его слушать. Оферьеву пришлось сообщить о происшедшем как местному сотскому, так и своему епархиальному начальству, что и дало импульс к расследованию.

Через некоторое время дело Сатина стало известно высшим светским и духовным властям губернии — губернатору и епархиальному архиерею. Владимирским губернатором на тот момент был П. А. Шатохин, а епископом — знаменитый бого-

слов и духовный писатель Феофан (Говоров), канонизированный русской православной церковью в XX в. и известный более под именем Феофана Затворника. Именно он сообщил П. А. Шатохину, что священник села Новое занимался увещеванием жены и детей Сатина. Однако беседы Оферьева, согласно этому сообщению, были напрасными: жена иудействующего заявила, что «она от веры христианской отрелась и хочет держаться секты ветхозаветной жидовствующих». При этом она будто бы сорвала с себя и детей кресты. Лишь старшая дочь «отступников» пожелала «пребывать в православии».

Следствие между тем продолжалось. Была допрошена жена обвиняемого, Василиса, неграмотная крестьянка 36 лет. Она призналась, что следует «ветхозаветной малаканской вере, или ветхозаветной по Моисееву учению», с давних пор, приблизительно уже 10 лет. Это расходилось с показаниями Сатина, сократившего давность пребывания жены в «заблуждении» до двух лет. Своим наставником в вере субботница назвала мужа и полагала, что последний «сам изучил этот закон по книгам, а особенно по Библии». Василиса отвергла обвинения в том, что она срывала кресты с себя и детей: ведь и она, и младшие дети, по ее утверждению, крестов не носили, поэтому и необходимости их снимать не было. Что же касается старшей дочери, то она «всегда носит крест». Интересную информацию сообщила допрашиваемая о религиозном воспитании своих детей. Грамотным из них оказался только сын Иван: он учился грамоте по часослову, а затем стал читать Библию. В ветхозаветном учении его наставлял отец. Иван, по словам матери, хорошо знает разницу между христианской верой и законом Моисея. Дочь Марфа читает псалмы на память, как ее научили родители. А старшая дочь Василиса, хоть ей и объясняли «Моисеев закон», не принуждая к его исполнению, «по своей молодости... вряд ли его понимает». В конце допроса прозвучало своеобразное кредо матери, которая сформулировала в нем, в частности, свое отношение к христианству: «...мы не хулим имя Иисуса Христа и уважаем Новый Завет, как тоже святой. Иисуса Христа мы признаем за Сына Божия; но имеем особое усердие к Моисееву закону». Ознакомившись с протоколом допроса, крестьянка просила не разлучать ее с детьми.

Были допрошены и старшие дети четы Сатиных. Ответы дочери не согласовывались с показаниями родителей. 15-летняя Василиса утверждала, что она ходила в православную церковь, но никогда не была на исповеди и не причащалась. При этом креста она не носит и желает быть в одной вере с отцом и матерью, а также жить вместе с ними. На вопросы о том, учил ли ее отец «малаканской» вере, принуждали ли родители и брат Иван побоями к ней и на многие другие девушка предпочла не отвечать. Допрос был прекращен по причине упорного молчания Василисы.

Иван, отвечая на вопрос следователя, произнес исповедание веры, очень напоминающее слова его матери: «...имею особенное усердие к Ветхому Завету, несмотря на то что мы не хулим Новый Завет». Разницу между двумя Заветами он обозначил кратко: в Новом Завете почитают день воскресный, а в Ветхом — субботный. Объяснить, что лежит в основе празднования воскресенья и субботы, подросток не смог. Иван заявил, что отец его не учил «Моисееву закону», но он «сам научился понимать его из Библии». Все предположения о семейном давлении на сестру мальчик отверг, но заметил, что Василиса «действительно отбилась... от рук

и не всегда даже слушает отца». Мальчик подтвердил, что иконы были вынесены из дома на Пасху, но раньше вся семья перед ними молилась.

В процессе следствия были опрошены многочисленные свидетели — жители деревни Плохово и близлежащих селений. При этом стали известны некоторые факты, позволяющие выявить особенности мирозерцания и поведения главного фигуранта дела. Наиболее подробную и, скорее всего, достоверную информацию представили родственники подсудимого — его дядя и двоюродный брат. Именно они непосредственно общались с Сатиным, который скрывал от них свои взгляды менее, чем от других. Филипп Родионов¹, староста деревни Плохово, двоюродный брат Абрама, вместе со своим отцом Родионом были свидетелями рассуждений субботника о его вере. Сатин, по словам Филиппа, утверждал, что Христос был простым смертным человеком, а не Богом; что во времена явления Спасителя он, Абрам, «мог бы тоже выдавать себя за Бога». Родион на очной ставке с племянником уличал его: «...ты говорил, что Иисус Христос не есть Сын Божий; а иначе сказать, и ты сам, и все мы Сыны Божии, так как мы творения Бога». При этом Сатин называл Христа хорошим человеком, возможно, даже праведным. Сравнивая свою веру с христианской, он объяснял, что Христос любил нищету, а «Бог еврейской веры — богатство». Филипп замечал, что иконы в божнице у него стояли «без всякого призрения», в пыли. Свидетель никогда не видел в доме субботника собрания евреев или же «подозрительных по вере людей». Только один раз из Плоховских двориков² к Сатину приезжал некий солдат с женой и детьми, о которых «все потом говорили», что они евреи. Но Филипп с отцом не видели этих людей в доме Сатиных; они могли только наблюдать за гостями издали, когда те выезжали из деревни. Филипп Родионов описал любопытный эпизод, происшедший летом 1864 г. Возвращаясь с полевых работ, он встретил своего родственника, который с насмешкой сообщил ему о прибытии в церковь «образа Боголюбимой»³: «Ступайте в церковь, встречайте привезенного к вам деревянного Бога».

О происхождении «еврейской веры» своего двоюродного брата староста не мог сказать ничего: «Я никак не могу предполагать о человеке, который совратил его в этот раскол, и никогда не мог ожидать, что он отречется от православной веры». Филиппу было лишь известно, что подсудимый давно начал читать Библию, которую купил у его отца лет 10 назад. По его словам, Сатин стал беседовать с ним о вере только после публичной демонстрации своих убеждений на Пасху 1865 г. Филипп Родионов описал, как это произошло. Отказавшись пустить в свой дом священника с иконами, субботник «сказал тогда, что верует в Бога по учению Ветхого Завета, не имеет креста на себе и на своих семейных, кроме старшей дочери Василисы... сказал это, подавая какую-то записку священнику, которая не была нам прочитана и показана». Эта записка позже была представлена следователю священником Арсением Оферьевым. Ниже приводится ее текст⁴:

¹ Это отчество, записанное как фамилия. В документе функцию фамилий в большинстве случаев выполняют отчества крестьян, что является особенностью, характерной для данной эпохи.

² Дворики — небольшое поселение, отделившееся от села или деревни.

³ Речь идет о Боголюбской иконе Божьей Матери, одной из главных святынь Владимиро-Суздальской епархии.

⁴ Орфография и пунктуация документа сохранены.

Объявление

Деревни Плохова временнообязанный крестьянин Абрам Никоноров имею вам отношение о исповедание своем иму пребывать во исповедании по 10-ти заповедех божиих ветхого Закона преданного от господа бога святому пророку моисею насвятой горе синайской я — семейство мое жена моя сыновья мои Иван Антон дочери Марфа Анна.

Можно ли предположить, что близкие родственники обвиняемого были настроены против него и преднамеренно сгустили краски? Вероятно, нет. Филипп Родионов дал исключительно комплиментарную нравственную характеристику четы Сатиных: «...такой честности людей нет в целой вотчине». Он опроверг мнение, будто Сатины обижали свою дочь или принуждали ее следовать их учению.

В этом, а также в том, что подсудимые — порядочные люди, соглашались все опрошенные свидетели. Сатиных называли честными, трудолюбивыми, добрыми людьми, которые никогда не обижали соседей. Деревенский портной, не раз посещавший дом Абрама, заметил, что тот работал до поздней ночи. Поведение иудействующих «одобряли» и «ничего дурного» о них сказать не могли.

Что касается религиозных убеждений Абрама и Василисы, то крестьяне знали о них главным образом «по слухам». Их веру они называли «еврейской», «малаканской», «ветхозаветной», «сектой иудействующих», но не все «разумели», что скрывается за этими словами. Анализ «деревенских» свидетельств показывает, что основным источником толков о семье «жидовствующих» была информация, исходящая от родственников «раскольника». Именно поэтому в показаниях свидетелей фигурируют одни и те же сюжеты — об именовании иконы «деревянным богом», о том, что Сатин толковал «о преимуществах еврейской веры над христианскою». Повторяется и нарратив об отношении обвиняемого к личности Христа, представленный Филиппом Родионовым. Так, староста села Новое слышал от плоховских крестьян, что Абрам «не хулил святое имя Христа Спасителя, говоря, что во времена пришествия Христа на землю он, Абрам, и сам бы мог выказаться Христом и Богом, потому что в те времена народ был очень прост и легко было его обмануть».

Распространенными были слухи и о почитании субботы в семье «отступников», которое автоматически предполагало пренебрежительное отношение к воскресному дню. Односельчане последователя «ветхозаветной веры», как и жители соседних селений, говорили, что Абрам празднует субботу, а в воскресенье работает. Крестьянин села Новое Андрей Яковлев слышал, что будто бы в день Пасхи Сатин ездил в лес за лучиной. Были и непосредственные очевидцы несоблюдения святости воскресного дня новоявленным сектантом. Так, сотский Илья Федоров замечал, что Сатины неоднократно работали по воскресеньям в то время, когда в церкви совершалась обедня, а по субботам праздновали и не работали. Староста деревни Филино, отправившись в храм на пасхальную заутреню, обнаружил, что в Плохово только в доме Абрама Сатина нет света, чему был удивлен.

Крестьяне не могли сообщить прямых сведений о соблюдении иудействующими субботы или других обрядов. Но некоторую косвенную информацию об этом можно получить, вчитываясь в их ответы на предложенные следователем вопросы.

Эта информация интересна и потому, что она раскрывает представления православных о чужой вере. Так, Илья Федоров однажды заметил, что жена Сатина затопила в избе печь с пятницы на субботу, «совсем почти в ночную пору». Сотский вместе со старостой запретил ей так поступать и следил, чтобы ничего подобного не повторялось. Он сделал любопытное предположение о причинах мягкого отношения Сатиных к старшей дочери, не желавшей разделять веру своих родителей. Илья подозревал (как и его односельчане), что иудействующим выгодно иметь у себя православную, так как в субботу в доме необходима работница. Нанимать посторонних людей для этой цели дорого, кроме того, чужие могут «подсматривать их обряды». Так, в простонародных представлениях дочь-христианка могла играть в семье субботников роль «шабесгоя»⁵.

Портной Федор Степанов, в силу своей деревенской профессии неоднократно бывавший в доме обвиняемого, отмечал, что за трапезу его сажали одного или вместе с дочерью Василисой. Видимо, Сатины не желали, чтобы Федор был свидетелем их молитвы во время еды. Он ни разу не видел, как они молились. Многие из опрошенных обратили внимание на то, что все члены семьи иудействующих, кроме дочери Василисы, не носили крестов.

Абсолютное большинство информантов следователя, включая сотских, не слышало, чтобы Абрам «толковал о вере» или совращал кого-либо в «раскол». Исключение составил Родион, на очной ставке обличивший племянника в том, что тот не раз «толковал о вере» в его собственном доме: «Ты при этом всегда старался доказать, что учение о вере по Ветхому закону превосходит христианской веры».

Многие свидетели утверждали, что субботники никогда не выказывали пренебрежения к православной вере, священникам и христианским святыням — кресту, иконам, Евангелию. Они подчеркивали, что Абрам Сатин не хулил имя Спасителя. Исключением стал эпизод с названием Боголюбской иконы «деревянным богом». Он, вероятно, стал источником слухов об «издевательствах» над православной верой и иконами со стороны обвиняемого. Но какие-либо другие конкретные примеры богохульства в крестьянских показаниях отсутствуют. А вот дети Сатина, несомненно, становились объектом насмешек их православных ровесников. Один из жителей Плохово вспоминал: «Случалось мне видеть, что наши малые ребята, играючи с Абрамовыми детьми, смеясь, говорили им: давай крест вам наденем; Абрамовы же дети при этом плакали и убегали к матери». Заметим, что действия детей совпадали с практиками унижения евреев и субботников, распространенными в среде простонародья. Об этом пишет известный этнограф В. Н. Майнов: «Для простого русского человека... который не утерпит, чтобы не надеть крест на зазевавшегося еврея»; «пробовали иногда русачки: крест на шею субботникам накидывали, свиное ухо из кожуха сочиняли...» [3, с. 231, 234].

Опросы односельчан подсудимого обнаружили важные подробности его жизни. Оказалось, что кроме хлебопашества Абрам почти ежегодно уходил на зиму в степные губернии России «торговать иконами, картинами и книгами». Житель Плохово Карп Иванов занимался аналогичным промыслом. Он покупал в селе Мстера для последующей продажи святцы, Псалтири, азбуки и молитвенники и уверял, что Сатин имел в своем распоряжении такой же ассортимент.

⁵ В иудейской традиции название нееврея, нанимаемого иудеями для работы в субботний день.

Спустя четыре месяца после ареста, 27 декабря 1865 г., Абрам Сатин «пожелал воспользоваться духовным увещанием». Следственные материалы так передают его заявление: «...я чувствую в душе некоторое сомнение и не желаю погубить свою душу в заблуждении, так как жизнь наша не ограничивается одним земным путем, и совестливый человек должен думать о жизни вечной. Также я желаю, чтобы мое заблуждение, если оно будет мне доказано, послужило в пользу на будущее и детям моим и внукам, и чтобы они не приступали так же дерзновенно к обсуждению Закона Божия и Закона Царского». Разумеется, слова фигуранта были отредактированы: судя по его запискам, он не умел так грамотно выражать свои мысли. После этого заявления арестанта перевели из городской тюрьмы в уездное полицейское управление, где он должен был ожидать «увещателя». В это же время была арестована жена Сатина, она была также отправлена в полицейское управление, причем вместе с грудным ребенком: его нельзя было оставить дома. В январе 1866 г. дело «об исповедующем ветхозаветную веру» было передано на рассмотрение Владимирской Палаты уголовного суда.

Наставлением Сатина и его жены занимался священник Екатеринбургского собора г. Судогды Александр Беляев. Результатом стало согласие супругов присоединиться к Церкви. По распоряжению Владимирской духовной консистории следственные находились на церковном покаянии. Великим постом 1866 г. они исповедались и причастились в судогодском соборе.

Следствие продолжалось около двух лет: до рассмотрения его в Палате уголовного суда долго не доходила очередь. Абрам Сатин неоднократно писал просьбы об освобождении его из-под стражи вместе с женой и дочерью: дома оставались малолетние дети, а крестьянское хозяйство приходило в упадок. Владимирский прокурор много раз просил Палату о скорейшем решении дела. Наконец, 3 апреля 1867 г. Палата уголовного суда постановила: «...о крестьянине Абраме Никифорове и жене его Василисе Софроновой, исповедывавших иудейскую веру, за возвращением их, по увещанию духовного отца, в православие и как выполнивших наложенное на них по распоряжению Владимирской Духовной Консистории, церковное покаяние, суждения иметь не следует». Иными словами, дело было прекращено по причине раскаяния фигурантов, которые были освобождены из-под стражи. Поскольку старшие дети Сатиных не обратились в православие, суд принял решение подвергнуть их «назиданию и увещанию к оставлению содержимого ими раскола по распоряжению духовного начальства».

К сожалению, на этом дело закончилось и дальнейшее поведение детей раскаявшихся сектантов, впрочем, как и судьба их родителей, остаются для нас пока неизвестными...

Феномен владимирского иудаизмства: типичность и уникальность

Представленное дело выявляет характерные черты русского субботничества, хорошо знакомые исследователю по другим источникам XIX в.

Прежде всего эти особенности просматриваются в религиозных представлениях и практиках семьи владимирских иудействующих. Фундаментом их религиозной жизни был Ветхий Завет, а в нем внимание его почитателей сосредотачивалось

главным образом на Пятикнижии и Псалтири: именно их упоминали во время допросов обвиняемые.

Заповеди «Моисеева закона», «усердие» к которому подчеркивали Сатины, побуждали их конструировать ритуальные практики, главнейшей из которых стало почитание субботы. О соблюдении субботы в первую очередь говорил на допросе главный персонаж дела; разницу между Ветхим и Новым Заветами усматривал в отношении к субботе его сын Иван; наконец, многочисленные свидетели обращали внимание именно на празднование субботы плоховскими «раскольниками». Хранение субботнего дня в движении русских иудействующих было неразрывно связано с демонстративным отказом от признания святости воскресенья. Это отчетливо прослеживается в рассматриваемом деле: опрашиваемые судебным следователем крестьяне указывали на работу Сатина в воскресные дни; сам арестованный признавался в этом.

К сожалению, источник в силу своей специфики представляет крайне скудные и неопределенные сведения об обрядах, которые исполняли владимирские последователи «Моисеева закона». Кроме празднования субботы мы узнаем только о молитвах и чтении псалмов, причем в одном случае речь идет о произнесении последних перед принятием пищи. Хорошо известно, что именно Псалтирь, сначала на церковнославянском, а позже на русском языке, была основой молитвенных практик «ветхозаветников».

Особенное место в мирозерцании русских иудаизантов принадлежало образу Христа и Новому Завету. Источники второй половины XIX в. представляют широкий диапазон позиций сектантов — от крайней неприязни до ярко выраженных симпатий к Основателю и священным текстам христианства. В представлениях молокан-субботников Иисус Христос мог выступать в качестве пророка, боговдохновенного мужа, святого, или простого, но мудрого человека. Часть иудействующих в целом принимала Новый Завет, допуская некоторые искажения в тексте. Другие демонстрировали уважение к отдельным произведениям (Евангелие, Апокалипсис). Третьи констатировали ограниченную ценность священной книги христианства или же ее полезность с точки зрения нравственности [4]. Симпатия к личности Христа и Новому Завету прослеживается и во взглядах субботников из Владимирской губернии. Абрам Сатин, безусловно, отрицал божественную сущность Иисуса, называя его «простым смертным человеком», что являлось характерной чертой мировоззрения «жидовствующих». Однако в результате первого допроса подозреваемого следователь сделал вывод, что тот «не гнушается Православной Церкви, как светила Нового Завета». Жена и сын Абрама Сатина на допросах повторяли: «...мы не хулим имя Иисуса Христа и уважаем Новый Завет, как тоже святой»; «Иисуса Христа мы признаем за Сына Божия». Крестьяне-свидетели утверждали, что Абрам «не хулил святое имя Христа Спасителя» и считал его «хорошим», а возможно, и «праведным» человеком. Поражает совпадение вышеприведенных выражений с дискурсом иудействующих из разных областей Российской империи во второй половине XIX в. Приведем только один пример. В 1870-х годах сектанты из Тамбовской губернии в беседе со священником называли Христа святым человеком, который, возможно, будет судить мир, и подчеркнули: «...мы и не хулим Христа» [5, с. 11].

Синкретический характер подобных представлений уравнивался субординационной доктриной соотношения двух Заветов, которая у субботников была

зеркально противоположна христианской: Христос и Новый Завет рассматривались как «младшие» в сравнении с Богом и Ветхим Заветом. Упомянутые тамбовские иудействующие говорили о Христе: «...он моложе Отца» [6, с. 8]. В рамках такой же парадигмы мыслил и Абрам Сатин, считавший, что ветхозаветное «учение есть более основательнейшее, так как и Новый Завет более основан на Старом».

Дело крестьянина деревни Плохово не позволяет сделать заключение о том, каким образом Сатин пришел к «исповеданию Моисеева закона». Исследователь может лишь теряться в догадках. Версия о приезжавшем к Сатину еврее-солдате с женой и детьми даже не рассматривалась следствием. Если бы герой нашей истории встречался с иудеями во время своих ежегодных отлучек из дома, то он наверняка бы усвоил (хотя бы отчасти) ритуальные практики российских ашкеназов/караимов. Но в документе отсутствуют какие-либо намеки на это. По всей видимости, Абрам и его сыновья даже не были обрезаны. Растопка печи в ночь с пятницы на субботу женой обвиняемого указывает на то, что Сатины были не знакомы с иудейскими обрядами: еврейская традиция накладывает строгий запрет на всякую работу, включая приготовление пищи, начиная с захода солнца в пятницу. Наконец, специфическое отношение к личности Христа и Новому Завету исключает гипотезу о еврейском влиянии на убеждения членов этой иудействующей семьи. Общины последователей «Моисеева закона», имеющие тесные связи с ашкеназами, как правило, выражали резко отрицательное отношение к христианству.

На допросе Абрам Сатин уверял пристава, что стал следовать «Ветхому закону» самостоятельно, путем чтения Библии. Это подтвердила и его жена. Показания родственника подсудимого дают основание с доверием отнестись к этим заявлениям: Филипп Родионов заметил, что Сатин читает Библию на протяжении десяти лет. Кроме того, Филипп ничего не мог «предположить» о человеке, который совершил Абрама.

Феномен «независимого иудействовывания» плоховских крестьян — на основе чтения и толкования библейских текстов — вполне согласуется с концепцией «самозарождения» общин «ветхозаветной веры» в России, сторонником которой является А. Л. Львов. Исследователь называет субботничество «текстуальным сообществом» [6, с. 42–62]. Правда, в нашем случае это слишком громкое название для крошечной общины сектантов, состоявшей из одного грамотного мужчины, одной неграмотной женщины и детей, которые были слишком малы и почти все неграмотны, для того чтобы серьезно рассуждать и вносить свою лепту в интерпретацию Библии.

Осмелюсь предположить, что самостоятельное чтение и толкование Ветхого Завета, которое, безусловно, имело место в семье владимирских крестьян, подкреплялось общением главы семейства с единоверцами-субботниками. Контакты с ними могли происходить во время регулярных путешествий Абрама Сатина в «степные губернии» России. Именно в степных регионах, т. е. в Поволжье, Новороссии, Тульской, Орловской, Тамбовской и Воронежской губерниях, локализовались крупные очаги движения иудействующих. Встречи с последними могли побудить жителя Судогодского уезда приступить к чтению Библии и исполнению заповедей «Моисеева закона». Возможен и другой вариант: домашнее чтение ветхозаветных книг могло стимулировать духовный поиск, который привел Сатина к знакомству с иудействующими и последующему более или менее регулярному

общению, дававшему «подпитку» крестьянину-богоискателю. Эту гипотезу подтверждает идентичность дискурсов Сатина и русских субботников о «Моисеевом законе» и его святости, субботе и воскресенье, Христе и Новом Завете. При этом иудаизанство в границах одной семьи, живущей далеко от субботнических общин, делает описанный случай уникальным.

Безусловно, сближают поведение данной религиозной микрогруппы с целыми сектантскими сообществами стратегии выживания в условиях антисектантской политики Российского государства. К ним относится сочетание субботнических практик с внешним соблюдением христианских обрядов. Сатины поступали подобно тысячам приверженцев «ветхозаветной веры» (и других религиозных течений), когда, празднуя субботу, читая перед обедом Псалтирь и выполняя другие неизвестные нам ритуальные действия, одновременно крестили своих детей, ходили в церковь и даже исповедовались и причащались, как это сделала Василиса перед рождением дочери. Свои убеждения им приходилось до поры до времени сохранять в тайне. Вероятно, и разжигание печи ночью также можно отнести к практикам скрывания неортодоксальности. Сатин сам признался во время первого допроса, что в течение 15 лет он секретно следовал «старозаветному учению».

Однако при наступлении более-менее благоприятных условий российские иудаизанты обнаруживали себя, используя для этого разные способы. Некоторые просто переставали скрывать свою веру, отказываясь от посещения церкви и участия в церковных таинствах, от иконопочитания и соблюдения постов. Во множестве случаев «жидовствующие» «оглашали» себя перед властями, часто в письменном виде, причем подобные документы заключали описание их религиозных представлений и практик. Это происходило в царствование Александра I, которое стало временем массового открытия в империи общин «Моисеева закона». Наступивший затем, при Николае I, период ужесточения преследований многие иудействующие смогли пережить под маской формальной принадлежности к православию. Сменившая эту эпоху «оттепель» в правление Александра II спровоцировала новую волну отпадений от Церкви тайных сектантов. «Высочайше одобренные правила для действий с раскольниками», введенные в действие в 1858 г., более точно разграничивали функции духовенства и полиции, запретив правительству «вмешиваться в заблуждения» сектантов, а священникам — обращаться с требованием или доносом к светским властям [7, с. 557]. Кроме того, импульс к открытому исповеданию «ветхозаветной веры» могла дать и отмена крепостного права. Наконец, репрессивные законы против сектантов применялись в это время значительно реже, чем в предшествующую эпоху. Все это привело к массовым актам публичного отречения от православия, пик которых приходится на вторую половину 1860-х — первую половину 1870-х годов. Но как раз в этот промежуток времени Абрам Сатин объявил о своей вере настоятелю приходского храма. Во время Великого поста он вынес из дома все иконы, а на Пасху отказался пустить к себе священника, совершавшего по обычаю пасхальные молебны в домах прихожан, и вручил ему «объявление» об исповедании веры «Ветхого закона» всеми членами его семьи. Данная модель поведения аналогична тем действиям, которые совершали в эту эпоху его современники-единоверцы. Вероятно, к этому времени относится и отказ семейства от ношения крестов.

Поведение семьи Сатиных в процессе расследования также представляет собой достаточно характерный в истории субботничества феномен. Первоначальная готовность демонстрировать свои убеждения, проявленная до ареста и в первые месяцы после него, позже сменилась намерением возвратиться в православие. По всей видимости, иудействующие осознали, чем грозит им упорствование в «расколе»: переселением в чужой край, разлучением с детьми и отправкой сына Ивана на казенную фабрику. В случае же присоединения к Церкви Сатины не несли ответственности за прежние преступления. Скорее всего (хотя я не исключаю и искренности обращения), их отказ от прежних воззрений был продиктован прагматическими причинами. В среде иудаизантов на протяжении XIX в. мы встречаем две модели поведения: ревностное, непреклонное отстаивание своих взглядов и умение уходить в подполье в критической ситуации, сопровождающееся наружным исполнением предписанных обществом религиозных практик [8, с. 222–231].

Необходимо учитывать, что вариант «домашнего сектантства» делал семью субботников более уязвимой по сравнению с теми «иудействующими», которые жили в полноценных общинах. Преимущества общинной жизни были очевидными: в случае ареста или ссылки детей иудействующих забирали к себе домой единоверцы; переселение в другие места не так сильно пугало крестьян, когда оно носило массовый характер. Возможно, именно нехватка поддержки со стороны общества единомышленников заставила Сатиных отречься от своих религиозных взглядов. Этим можно объяснить и отсутствие какого-либо прозелитизма со стороны неопитов, которые обычно бывают усердными проповедниками своей веры. Анализ следственных материалов показывает, что плоховские иудействующие не пытались никого «соблазнить» в субботничество.

Таким образом, дело о крестьянах из Судогодского уезда, отражая особенности движения русских иудействующих, представляет случай «автономного» неортодоксального исповедания, аналога которому пока не удалось обнаружить исследователям.

Литература

1. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 1431. Оп. 1. Д. 579.
2. Свод законов Российской империи: в 15 т. Т. 15. Кн. 1. СПб., 1857. 964 с.
3. Майнов В. Странная секта // Сборник «Неделя». Русские общественные вопросы. СПб.: Гайдебуров и Конради, 1872. С. 230–253.
4. Хижая Т. И. Христос и Новый Завет в представлениях русских иудействующих (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Православный собеседник. Вып. 1 (21). Казань: Казанская духовная семинария, 2011. С. 126–135.
5. Богословский П. Субботники в селе Каменке // Тамбовские епархиальные ведомости. Приложение. 1878. № 7. С. 1–20.
6. Львов А. Л. Соха и Пятикнижие. Русские иудействующие как текстуальное сообщество. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2011. 328 с.
7. Собрание постановлений по части раскола. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1875. 776 с.
8. Хижая Т. Портреты русских субботников первой трети XIX в.: попытка реконструкции // Труды по еврейской истории и культуре: материалы XXI Международной ежегодной конференции по иудаике. Вып. 50. М.: Сэфер, 2014. С. 221–225.

Статья поступила в редакцию 21 июня 2018 г.;
рекомендована в печать 11 декабря 2019 г.

The peasants of 'Judaic Faith' in the Vladimir province: The 'homegrown sectarianism' phenomenon in the nineteenth century

T. I. Khizhaya

Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov,
87, ul. Gorkogo, Vladimir, 600000, Russian Federation

For citation: Khizhaya T. I. The peasants of 'Judaic Faith' in the Vladimir province: The 'homegrown sectarianism' phenomenon in the nineteenth century. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2020, vol. 36, issue 1, pp. 196–209. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.116> (In Russian)

The article is dedicated to the unique model of religious conduct which could be described as a sectarianism beyond the scope of the confessional community. The author discovered an archival document reflecting a case investigation of a Subbotnik peasant, his wife and children in the Vladimir Province of the nineteenth century. No researchers had ever discovered any Judaizers in that region previously. The work's goal is to describe and analyze this religious phenomenon. The study utilized diverse methods: ideographic, retrospective, comparative, that of historical genesis as well as the method of interpreting historical sources and causal analysis. Research on the case of Abram Satin reveals, on the one hand, some peculiarities typical of the Subbotnik movement. These include the Biblical foundation of the Judaizers' world outlook, their design of worship practices on the basis of the Old Testament texts, their combination of the secret observation of the 'Mosaic Law' and the formal performing the Christian rituals, identification of icons as idols along with the sympathetic attitude toward the person of Christ, and traditional tools for revealing their faith in front of the authorities. On the other hand, 'religious dissidence' restricted to just one family residing very far from its co-religionists' communities makes the case totally unique. Perhaps Abram Satin's conversion to the Mosaic Law was the result of an independent reading of the Bible and/or infrequent contacts with Judaizers from other regions. 'The homegrown sectarianism' made the family of the Vladimir peasants vulnerable when facing the authorities and this was most likely the reason for their re-conversion to Orthodoxy that effectively ended the microstory.

Keywords: Judaizers, Subbotniks, Mosaic Law, The Old Testament, Russian sectarianism, Vladimir Province, microstory.

References

1. *The Russian State Archive of Ancient Acts*. F. 1431. Op. 1. D. 55.
2. *Digest of laws of the Russian Empire* (1857), in 15 vols., vol. 15, book 1. St. Petersburg, 1857, 964 p. (In Russian)
3. Mainov, V. A. (1872), "Strange Sect", *Sbornik "Nedelia"*. *Russkie obshchestvennye voprosy*, Gaideburov i Konradi Publ., St. Petersburg, pp. 230–253. (In Russian)
4. Khizhaya, T. I. (2011), Christ and the New Testament as perceived by the Russian Judaizers (1850-ies through the early twentieth century), *Pravoslavnyi sobesednik*, is. 1 (21), pp. 126–135. (In Russian)
5. Bogoslovskii, P. (1878), The Kamenka village Subbotniks, *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti*, appendix, no. 7, pp. 1–20. (In Russian)
6. Lvov, A. L. (2011), *Plough and Pentateuch: Russian Judaizers as textual community*, European University at St. Petersburg Press, St. Petersburg, 328 p. (In Russian)

7. *Collection of resolutions on the schism* (1875), Tipografia Ministerstva vnutrennikh del Publ., St. Petersburg, 776 p. (In Russian)

8. Khizhaya, T. (2014), “The portrayals of the Russian Subbotniks in the first third of the nineteenth century: an attempt at reconstruction”, in *Trudy po evreiskoi istorii i kul'ture, XXI annual international conference on Jewish studies*, is. 50, Sefer Publ., Moscow, pp. 221–235. (In Russian)

Received: June 21, 2018

Accepted: December 11, 2019

Author's information:

Tatiana I. Khizhaya — PhD in Philosophy, Associate Professor; bobcat64@mail.ru